

Горько ли думать о Горьком?

В нём, как в адовом котле, кипели все страсти тех дней. А его смерть, как и его жизнь, до сих пор полна загадок.

«Жить стало весьма противно»

ВСКОРЕ после октября 1917-го писатель, уже имевший славу «буревестника Революции», не мог смириться с чрезвычайными мерами большевиков. Его выводило из себя бесцеремонное, часто дикое и даже зверское обращение с интеллигенцией, и без того обиженной и озлобленной непониманием происходящего, не говоря уже про необъяснимую, на его взгляд, жестокость ко всем «бывшим» - без разбора!

Горький вышел из партии. Вышел как раз тогда, когда, как казалось большевикам, мог бы своим авторитетом успокоить и организовать стихию интеллигенции и студенчества в интересах новой власти. Вышел потому, что решил: для социализма на Руси ещё не время! В своих мыслях он пытался объединить непримиримое - демократию буржуазии и диктатуру пролетариата. Но разве это было возможно? О многом из наболевшего Горький мучительно писал в «Новой жизни». Вышло около полусотни душераздирающих откровений. В июле 1918-го газету закрыли. Горький просил возобновить выпуск, но Ленин был неумолим, повторяя, что «революцию в белых перчатках не делают!».

Писатель пытался ещё что-то издавать, кому-то помогать, но всё это было уже не то... И он зло написал Ленину, что после его (!) революции ему, Горькому, жить стало не только тяжело, но и «весьма противно»!!! Надорвавшийся морально и тяжело больной физически Горький в 1921 году уехал лечиться в Европу.

Ленин -
новый Христос?

Но был ли Горький разочарован в революции и её вожде до конца? Нет! И метания его усилились со смертью Ленина в 1924 г.

«Вероятно, при Ленине перебито людей больше, чем при Уоте Тайлере, Фоме Мюнцере, Гарибальди», - писал Горький с осуждением. Но вскоре бросился в другую крайность. «Много писали и говорили о жестокости Ленина... Отвратительно лицемерие тех «моралистов», которые говорят о кровожадности русской революции, после того как они в течение четырёх лет позорной общеевропейской бойни (Первая мировая война. - Авт.) не только не жалели миллионы истребляемых людей, но всячески разжигали «до полной победы» эту мерзкую войну».

Этих слов ему кажется мало, и он, находясь за границей, разражается почти религиозными воспоминаниями о вожде мирового пролетариата. Создаёт своеобразное «евангелие о Ленине», читая которое нельзя не сказать: ну чем Ленин не Христос, если он, по словам Горького, «отказался от всех радостей мира ради тяжёлой работы для счастья людей», если Ленин - «человек, которому нужно было принести себя в жертву... ради осуществления дела любви»?!

Когда сомнения заели его совсем, он начал задумываться о возвращении в Россию (видно, повлияло то, что дела тут явно пошли на подъём, в то время как Запад лихорадил кризис) и стал каяться в совершённых ошибках и грехах времён революции и Гражданской войны. А вдобавок проклинал тех, кого когда-то больше всего защищал от «преступлений Ленина и его соратников». Особенно досталось интеллигентам. Наверняка Горький вспоминал, как ещё на заре революции Ленин предупреждал его, что в ответственные моменты истории интеллигенция ведёт себя не как «мозг нации», а как «говно нации»... И вот теперь, много лет спустя, Горький убеждался, что Ленин - политик, «рулевой столь огромного, тяжёлого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия», - был прав! Доказательством служили отчёты в европейских газетах о судебных процессах над спецами-вредителями, показавшими своё нутро, например, в ходе разбирательства «шахтинского дела» в 1928 году. Горький, получив подтверждение всем этим диверсиям из зарубежных источников, был потрясён прозорливостью Ленина. «Учи! Верти!»

В 1926 году из Москвы в Сорренто полетело «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому»: «Очень жалко мне, товарищ Горький, что не видно Вас на стройке наших дней. Думаете - с Капри, с горки Вам видней? Друзья - поэты рабочего класса. Их знание невелико, но врезал инстинкт в оркестр разногласий буквы грядущих веков. Горько думать им о Горьком-эмигранте. Оправдайтесь, гряньте!» И далее: «Я знаю - Вас ценит и власть и партия, Вам дали б всё - от любви до квартир. Прозаики сели пред Вами на парте б: - Учи! Верти!» И уж совсем как приговор падали на голову слова: «Алексей Максимыч, из-за Ваших стёкол виден Вам ещё парящий сокол? Или с Вами начали дружить по саду ползущие ужи?»

Горький дрогнул. Прислушался ли к «Письму»? Подействовали ли уговоры Кремля? Так или иначе, но в 1931 году Горький вернулся в Россию. И действительно (как предрёк Маяковский) получил от власти всё! И действительно начал «учить и вертеть»...

В России маятник писателя так качнуло в левую сторону, что из-под пера автора «Буревестника» и

«Сокола» стали вылетать ещё и не такие «смелые птицы»:

«Классовая борьба - не утопия, если у одного есть собственный дом, а у другого - только туберкулёз».

«Слезой грязи не смоешь, тем более не смоешь крови».

«Если враг не сдаётся - его уничтожают...»

Это звучало решительнее, чем речи Сталина, потому что обрело форму художественного слова. Но обласканный властью писатель стал заложником власти.

«Отдали монополию

на литературу»

Из письма Мариэтты Шагинян В. М. Молотову 16 сентября 1935 года: «Я считаю, что Горький окружён паразитами, тунеядцами, дельцами и барами и что, отдавая в руки Горького монополию на советскую литературу, партия не должна забывать грязные промежуточные руки паразитов... У этих людей есть свои среди писателей - почти с сожалением, что не попала в их число, сообщает Шагинян, - которых они балуют и лелеют, есть и враги, пасынки, которых они исподтишка «сживают со свету».

Молотов потребовал разобраться. И председателю СНК СССР был дан ответ: «В беседе со мной Шагинян заявила: «Горького вы устроили так, что он ни в чём не нуждается, Толстой получает 36 тыс. руб. в месяц. Почему я не устроена так же?» Союз писателей такого рода требования, навеянные манией величия, удовлетворить не в состоянии... 21.IX.-35 г.». Это секретное письмо подписано секретарём правления ССП СССР А. Щербаковым.

Естественно, о делах писательского союза и самого «великого пролетарского писателя» Щербаков докладывал и в те инстанции, которые «отдали в руки Горького монополию на советскую литературу».

...На лето 1935 года был намечен Международный конгресс писателей в Париже. С Горьким в эти дни творилось что-то неладное. Ехать на парижский конгресс он не хотел. Об этом 27 мая 1935 года Щербаков написал Сталину. Что в действительности происходило с писателем? Скорее всего, причиной этого «нехотения» было крайне плохое самочувствие. С другой стороны, могли повлиять вновь нахлынувшие на него сомнения. Он видел, что идеи коммунизма в СССР продолжали осуществляться далеко не в белых перчатках. Более того - в «ежовых рукавицах». А Горький, понимая, что ему обязательно предстоит на этот счёт сказать в Париже своё веское слово, не знал, что делать...

Игры со смертью

ЗараЗИВШИЙСЯ по молодости чахоткой, Горький протянул с нею более 68 лет. Как заработал он смертельно опасную в те времена болезнь? От матери или от бродяжьей жизни? А может, подорвала здоровье молодого богатыря пуля, которую он выпустил в себя вечером 24 декабря 1887 года? «Купив на базаре револьвер, заряженный четырьмя патронами, - писал Горький, - я выстрелил себе в грудь, рассчитывая попасть в сердце, но только пробил лёгкое и через месяц, очень сконфуженный, чувствуя себя донельзя глупым, снова работал в булочной... Чёрт знает, почему я решил убить себя. Трудно ответить. После попытки самоубийства моё отношение к себе сильно понизилось, я чувствовал себя ничтожным, виноватым пред кем-то, и мне было стыдно жить». Кто знает, не это ли ослабленное выстрелом лёгкое искалечило здоровье ему на всю жизнь?

...Он мог умереть сразу после того, как вернулся из эмиграции. Случись такое, во всём мире заговорили бы, что Сталин специально выманил Горького - чтобы... убить (!) за ту страшную критику Октябрьской революции и её вождей, которую распространял Горький за границей.

Однако писатель и на этот раз выжил, хотя положение складывалось критическое.

29 июня 1931 года в 10 часов утра в ЦК ВКП(б) и СНК передали срочное «Сообщение о состоянии здоровья т. М. Горького: «День 28 июня прошёл спокойно, крови в мокроте было немного, но к 11 час. вечера усилились одышка и кашель, появились симптомы ослабления сердечной деятельности...»

Следить за лечением приставили самого М. Ф. Владимирского - тогдашнего наркома здравоохранения РСФСР.

На полях кремлёвского бланка со спецсообщением некто (быть может, сам Владимирский) подробно записывал, что происходило и что делалось, дабы спасти наконец-то вернувшегося в родные пенаты «блудного сына Революции».

Пункт, в котором говорилось, что лечащий врач Левин «не настаивал на постельном покое» на тот день главного больного СССР, через 7 лет дорого обошёлся всей медицинской свите, а самому Левину стоил жизни.

Неслучайная халатность? v

Горький скончался 18 июня 1936 года. Левин - как об этом говорил потом в марте 1938 года на судебном процессе по делу «антисоветского правотроцкистского блока» прокурор

А. Я. Вышинский - опрометчиво опубликовал излишне откровенный некролог «Последние дни Алексея Максимовича Горького». Некоторые медицинские подробности этого некролога вызвали подозрение у компетентных органов. Назначили следствие. Пошли экспертизы. В итоге пришли к выводу, что эта смерть на совести наркома НКВД Г. Ягоды и его «правой руки» доктора Левина.

А началось всё из-за «Тимоши» - жены сына Горького Максима Пешкова. Она была любовницей Ягоды.

Муж, естественно, ограничивал её свободу. Из-за чего любовные утехы не однажды срывались. Это приводило кровавого наркома в такое бешенство, что он решил устранить Пешкова как преграду для своих любовных походов. Максим Пешков простудился и умер при невыясненных обстоятельствах. На суде Ягода, пояснив, почему «мотивы убийства носят сугубо личный характер», скажет: «Я признаю себя виновным в заболевании Максима Пешкова».

Дальше настала очередь самого Горького, который оказался для Ягоды ещё большей преградой... (Это если верить показаниям разоблачённого и до сих пор не реабилитированного наркома.)

Согласно следствию Ягодой и его людьми было решено «подготовить такую обстановку, при которой бы слабый и расшатанный организм заболел, а потом выработать такие методы лечения или... подsunуть ослабленному организму какую-либо инфекцию, не бороться с болезнью, помогать не больному, а инфекции и таким образом свести больного в могилу...»

Выступая на суде, Вышинский вспомнил медицинские подробности из некролога доктора Левина:

«За десять лет моего врачебного наблюдения за Алексеем Максимовичем это было шестое заболевание гриппом. Каждый раз грипп неизменно осложнялся бронхитом и катаральным воспалением лёгких.

Когда меня в хорошие, спокойные периоды жизни Алексея Максимовича спрашивали о состоянии его здоровья, я всегда отвечал: - Относительно благополучно, но до первого гриппа. Я по опыту знал, как тяжело протекает у Алексея Максимовича грипп, как быстро он поражает место наименьшего сопротивления его организма - лёгкие - и как это страшно при его изменённых старым туберкулёзным процессом лёгких и его больном сердце...»

«Убийца выбалтывает тайну убийства», - заключает прокурор. Впрочем, в его обвинительной речи в адрес врачей доказательств преднамеренности их вредительских действий явно не хватает. Скорее можно говорить о халатности медиков, уставших лечить писателя...

Роковые сомнения

До самой смерти Горькому мешали жить сомнения в необходимости коммунизма, которые он ещё за 50 лет до пастернаковского «Доктора Живаго» мучительно пытался разрешить в своём, быть может, самом важном и масштабном произведении «Жизнь Клима Самгина». Несмотря на крайне тяжёлое состояние, до последних дней пытался он свести в этой книге концы с концами. Поэтому, если бы даже Горький не умер своей смертью, с точки зрения большевиков, его всё равно следовало бы убить. Зачем сеять в массах такие опасные сомнения, когда во все двери начинала стучаться самая страшная в мире война?!

Вернувшийся и сверх всякой меры возвеличенный Сталиным и подкормленный и даже закормленный советской властью Горький, заражая своими сомнениями, неожиданно начал действовать на общество разлагающе. Он в одном лице был грешащий и кающийся буржуазный гуманист и непоколебимый пролетарский защитник. В нём одновременно жили и Уж, и Сокол. А неумолимая эпоха требовала говорить только «да» и «нет».